

Культурно-историческая психология Л. С. Выготского: трудная работа понимания

Заметки читателя

Николай Вересов

Мыслитель существует не для того,
чтобы его повторять, а для того, чтобы
его слушать – и слышать.

С. Аверинцев

I.

Со дня смерти Льва Семеновича Выготского прошло уже больше семидесяти лет. И, хотя по историческим меркам это не так уж много, имя его и его идеи вызывают все более возрастающий интерес в научном сообществе. По мнению ряда исследователей, идеи Выготского, его теория развития высших психических функций, не только вошли в историю мировой психологической мысли, но и в значительной степени определяют контуры психологии века нынешнего [1]. Все основные труды Выготского опубликованы на многих языках и продолжают издаваться и переиздаваться. И в нашей стране и за рубежом проводятся многочисленные конференции, так или иначе связанные с его научным наследием, открыты и успешно работают научные центры, лаборатории, кафедры. Количество книг о жизни и творчестве Выготского давно уже перевалило за сотню, количество статей исчисляется десятками тысяч. В последние годы интерес к теории Выготского, особенно за рубежом, нарастает едва ли не лавинообразно. Кажется, что в исследовании творческого пути и научного наследия Выготского не осталось уже «белых пятен». Кажется, что если и остались какие-то неисследованные области, то они не имеют существенного значения и представляют лишь исторический интерес, оставаясь деталями, никак не изменяющими общую и стройную картину. И если эти несущественные пробелы и будут когда-либо заполнены, то никак не смогут серьезно повлиять на уже устоявшееся и проверенное временем понимание сути концепции Л. С. Выготского, и будут лишь некими дополнительными штрихами к портрету.

На этом фоне выглядит неактуальным и даже старомодным такое, например, признание:

При чтении и перечитывании работ Льва Семеновича у меня всегда возникает ощущение, что чего-то я в них до конца не понимаю... И я все время пытаюсь найти и отчетливо сформулировать ту центральную идею, которая руководила им с самого начала его научной деятельности до самого ее конца [2].

Я, конечно, не случайно, вспомнил Д. Б. Эльконина. Даниил Борисович Эльконин - соратник и последователь Выготского, выдающийся советский психолог, автор замечательной книги «Психология игры» и один из авторов (вместе с В.В. Давыдовым) знаменитой системы развивающего обучения, говорил о своем непонимании Выготского не для красного словца, а вполне серьезно. Правда, это признание Эльконина относится к 1984 году, когда шеститомное «Собрание Сочинений» Выготского только-только вышло в свет. Но тогда логично было бы предположить, что за прошедшие двадцать с лишним лет ситуация хоть как то изменилась. Логично было бы предположить, что современным исследователям уже известна центральная идея, руководившая Выготским в его научном поиске, особенно если иметь в виду огромное число исследований на эту тему, о которых я упомянул. Логично было бы предположить, что сейчас, в наши дни, у научного сообщества, или, по крайней мере, у тех исследователей, кто идентифицирует себя со школой Выготского, имеется более или менее ясное понимание того, что представляет собой его психологическая теория.

Но вот что пишет в этой связи Р. Фрумкина:

Когда мне говорят о «культурно-исторической теории Выготского», то я не могу добиться хотя бы краткой формулировки того, в чем эта теория заключается. Упоминают, среди прочего, так называемые «кубики Выготского-Сахарова», имея в виду экспериментальное изучение процесса образования понятий в онтогенезе – но ни Сахаров, ни сам Выготский в эксперименте онтогенеза понятий не изучали, да и вообще не занимались лонгитюдными исследованиями. Указывают также на «эгоцентрическую речь» ребенка, но при этом не могут объяснить, почему пальму первенства в ее описании следует отдать именно Выготскому, а не Пиаже, хотя именно Пиаже первым описал данный феномен. Есть, кроме того, магические слова «зона ближайшего развития» – имеется в виду все то, чему на данном этапе ребенок способен научиться при условии помощи взрослого или педагога; но мне кажется, что, кроме удачной формулировки, здесь не прослеживается особого новшества. [3]

Более того,

В «юбилейном» номере журнала «Известия Академии педагогических и социальных наук», вышедшем к 100-летию со дня рождения Выготского, восемь докторов психологических наук попытались воздать должное ученому, которого они искренне считают отцом-основателем отечественной психологии. Но статьи, которые там помещены, отнюдь не проясняют суть вклада Выготского в современные науки о человеке и потому не способствуют рецепции его творчества.

К этому, весьма категоричному по форме, заявлению можно отнести как к частному мнению, не отражающему общей идиллической картины. Но я не спешил бы с выводами. Я не могу согласиться с категоричностью этого заявления, однако несомненно, что проблема адекватности понимания сути теории Выготского, и проблема адекватной рецепции его идей обозначены, по существу, верно.

Заинтересованный читатель легко может найти и в литературе и в Интернете огромное количество разнообразных изложений, описаний и интерпретаций теории Выготского. Другое дело, что когда с ними знакомишься, возникает впечатление, что Выготских было, по-крайней мере, несколько. И при этом они не были друг с другом знакомы.

Так что же, неужели действительно идеи Выготского остались непонятыми (не до конца понятыми) его последователями? А если и были поняты, то лишь в меру их, последователей, испорченности (как сказал по этому поводу язвительный П. Г. Щедровицкий)? [4]. А если это так, то каковы основания для такого рода заявления? Признаюсь сразу: у меня никаких оснований для такого рода утверждения нет. Более того, я считаю, и настаиваю на том, что последователями и продолжателями дела Выготского сделано очень много не только для адекватного понимания культурно-исторической теории, но и для ее дальнейшего развития. Ведь научная школа Выготского действительно существует, и давно уже обрела международный статус. Достаточно сказать, что на последнем Конгрессе ИСКАР [5] в Севилье собрались представители из более чем тридцати стран.

Проблема, однако, заключается в том, что трудная работа понимания идей Л. С. Выготского никак не может считаться завершенной.

Пишу это я не с целью кого-то упрекнуть, а по иной причине. Я просто хотел, тем самым, обозначить свою собственную позицию. И состоит она в том, что мне гораздо ближе те исследователи, которые честно признаются в своем непонимании чего-то очень важного у Выготского (и, соответственно ищут пути понимания!), чем те, кто бездумно его цитируют, и интерпретируют его идеи, *так как они их понимают*. Короче говоря, я на стороне тех, кто продолжает достаточно тяжелую работу *понимания* позиций Выготского не только в психологическом, но и в философском, культурном и историческом контекстах. Думается, что дальнейшее развитие культурно-исторической психологии едва ли возможно без такой работы. Иначе говоря, я не с теми, кто прочитал Выготского, как-то его понял и на этом успокоился, а с теми, кто как Д. Б. Эльконин, его читает и перечитывает, не претендуя на окончательное понимание. Именно из этой позиции (если угодно – именно из этой исследовательской позиции) я исхожу, когда пишу этот текст.

Ну а то, что в литературе до сих пор не существует ни одной работы, в которой было бы представлено ясное, полное и систематическое изложение основных идей теории Выготского, является, как это ни покажется странным, фактом положительного свойства, имея в виду вышесказанное. Во всяком случае, такое положение дел вынуждает обращаться непосредственно к первоисточникам. То есть, подобно Д. Б. Эльконину – читать и перечитывать. Собственно поэтому мною и выбран подзаголовок этой статьи: *заметки читателя*.

II.

Так что же все-таки сделал Л. С. Выготский в психологии? Мы ответим на этот вопрос, если будем иметь ясную, адекватную картину того, в чем заключается суть его теории и чем она отличается от всех остальных, существовавших до него. Это, конечно,

справедливо вообще для любой научной теории. Это даже банально – настолько это очевидно. Если бы не одно большое «НО». Казалось бы, чего проще? Хочешь разобраться в сути подхода Выготского по существу, не по учебникам и пересказам-перепевам, бери книги и внимательно читай. Тем более что все основные работы Выготского опубликованы и вполне доступны. Чтение такое (если его цель – не выдергивание цитат, а желание разобраться в сути дела) требует определенных усилий и времени. Но другого пути все равно нет. Однако для этого необходимо одно условие, а именно нужно понимать язык, на котором все это написано. Не спешите упрекать меня в банальности, в том, что я с упорством, достойным лучшего применения, повторяю очевидные вещи. У меня есть основания сомневаться в том, что мы – читатели Выготского, - вполне и всегда понимаем язык, на котором он писал.

Говорю я об этом вот почему. С одной стороны, хорошо известно, что Выготский пришел в психологию не «откуда ни возьмись». В предреволюционные годы он получил образование в Московском Императорском Университете и в Университете Шанявского (где слушал лекции профессора Ивановского, Г.И. Челпанова, П. П. Блонского). Известно и то, что молодой Выготский активно участвовал в литературно-художественной и культурной жизни России «серебряного века». Его первыми печатными работами были литературно-критические статьи в журналах, в том числе, посвященные творчеству А. Белого и Д. Мережковского. Его учителем и литературным наставником был известный литературовед Ю. Айхенвальд, без которого едва бы увидело свет знаменитое эссе Выготского о «Гамлете». Он посещал заседания Философского общества имени Вл. Соловьева. Можно сказать с полным основанием, что Выготский был сыном русского «серебряного века культуры» [6]. Это был хоть и недолгий, но особый «век». Это был особый мир, с особым языком, которым Выготский владел в совершенстве. Мир театра, музыки, литературы, поэзии, философии, гуманитарного знания был его миром. После Октябрьского переворота 1917 года эта культура и этот язык начали уничтожаться, прежде всего, путем физического уничтожения носителей этой культуры и языка.

Уехав в Гомель, Выготский активно участвовал в культурной жизни – не только как преподаватель психологии, но и как организатор культурно-просветительской работы, театрального дела, как журналист, театральный и литературный критик.

Так что легенда о никому не известном и ниоткуда взявшемся гении без роду без племени, вдруг, как черт из табакерки, появившемся в Петрограде на съезде психоневрологов – не более чем красивая (и действительно красивая, в духе Золушки) – легенда. Другое дело, что для нового поколения, для поколения детей революции, не имеющих представления о русской культуре Серебряного века, тот мир, откуда явился Выготский, был действительно неизвестным, да и язык того века и того мира оставался неизвестным тоже.

Переехав, а фактически вернувшись, из Гомеля в Москву в 1924 году он, кроме занятий наукой и педагогической деятельностью, находился в гуще событий культурной жизни, оставаясь, тем самым, в среде, его взрастившей. Даже далеко неполный список выдающихся представителей российской культуры того времени, с которыми

Выготский дружил, очень тесно общался и сотрудничал уже в послереволюционные годы, не может не поражать – Вс. Мейерхольд, О. Мандельштам, С. Ейзенштейн, К.С. Станиславский, П.П. Блонский, Г. Г. Шпет... Не будем при этом забывать, что и сам Лев Семенович был не только разносторонне образованным человеком, но и человеком большой внутренней культуры, которая проявлялась как в большом, так и в малом. Вообще он был человеком Чести – в самом высоком смысле этого слова. Например (на это, почему-то мало кто обращает внимание), в «Психологии искусства» (1925), представленной в качестве диссертации, он цитировал тогда уже опального и изгнанного из страны Ю. Айхенвальда, оставаясь, тем самым, верным своему учителю и другу. И одно это в те годы уже было актом гражданского мужества. А, отправляясь в 1934 году в больницу, то есть фактически на встречу со смертью, с собой он взял единственную книгу – «Гамлета» Шекспира...

Но это – к слову. А если по сути, то у нас нет никаких оснований считать, что культура Серебряного века никак не отразилась в работах Выготского-психолога, не наложила отпечатка на язык, на котором он формулировал основные положения своей психологической теории. Но не зная языка, даже слушая мыслителя, – все равно не услышишь...

Кроме того, и об этом следует сказать особо, Лев Семенович имел превосходное, даже для того времени, философское образование. Из психологов того периода в этом смысле рядом с ним можно поставить только С. Л. Рубинштейна. В сочетании с феноменальной памятью, огромной работоспособностью и знанием нескольких иностранных языков, включая древние (что было абсолютно нормально для людей его круга), это давало возможность мыслить не только в узконаучном, но и в достаточно широком культурно-философском контексте. А. Потемкин и В. Гумбольдт, Р. Декарт и Б. Спиноза, Г. Шпет и П. Блонский и многие другие (а не только Маркс и Павлов) составляли его социальную и культурную среду и таким образом участвовали в научных диалогах с Выготским.

И, наконец, надо помнить, что Лев Семенович великолепно знал все основные направления и школы в современной ему отечественной и зарубежной психологии и свободно в них ориентировался. Он был автором весьма содержательных, и порой достаточно критических, предисловий к широко издававшимся в то время работам отечественных и зарубежных психологов – А. Ф. Лазурского, З. Фрейда, К. Коффки, Э. Торндайка, Р. Шульце, К. Бюлера, А. Гезелла и др. Он был автором ряда статей в Большой медицинской и Педагогической энциклопедий (можно упомянуть, например, статью о бихевиоризме в БМЭ, написанную в 1928 году). В книге «Исторический смысл психологического кризиса» он исследует все современные ему школы и течения, существовавшие в мировой психологии. Даже беглый перечень имен, на которые ссылается Лев Семенович в этой работе весьма впечатляет: З. Фрейд, А. Адлер, Э. Кречмер, И. Павлов, А. Введенский, Г. Геффдинг, Л. Бинсвангер, К. Коффка, В. Бехтерев, М. Вертгеймер, В. Келлер, В. Штерн, П. П. Блонский, Э. Торндайк, Г. Мюнстерберг...

Эти три обстоятельства – язык культуры, владение широким философским контекстом, глубокое знание современной научной психологии – во многом определили подход Выготского к решению психологических проблем. А посему, понять всю глубину подхода Выготского, суть его теории почти невозможно без знания этого языка и понимания этого контекста. Иначе почти неизбежны упрощения (которые зачастую выглядят как пояснения) и искажения (выдаваемые за модернизацию). Иначе мы рискуем оказаться в ситуации, которую С. С. Аверинцев очень точно назвал историческим провинциализмом – то есть привычкой принимать сиюминутное за вечное, моду за прогресс и предрассудки за аксиомы.

В пояснение сказанного приведу два примера.

Первый касается роли социальной среды в развитии высших психических функций. Социальная среда в теории Выготского выступает как источник развития, а развитие высших психических функций есть процесс социокультурный. Этим (хотя и не только этим) зачастую определяют главную, фундаментальную отличительную черту психологической теории Выготского. Но с точки зрения философской перспективы мы едва ли находим здесь что-либо новое или неклассическое. Так, еще В. Вундт настаивал, что высшие психологические процессы могут быть исследованы только через историческое изучение социокультурных феноменов типа сказок, языка и обрядов. Между прочим, даже сам термин «высшие психические функции» принадлежит не Выготскому, а именно В. Вундту. Дж. Г. Мид, Д. Дьюи, Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль, Э. Кассирер и многие другие исходили из положения, что природа человеческого сознания определена социокультурными факторами (я не говорю уже об этнопсихологии Г. Шпета, которую Выготский очень хорошо знал). Даже Ж. Пиаже, которому Выготского часто противопоставляют **именно на этом основании**, не отрицал влияния социальной и культурной среды [7]. Впрочем, к разговору об этом мы еще вернемся.

Пример второй – идея о знаковом опосредовании. Все высшие психические функции имеют опосредствованный характер, основным компонентом их структуры является использование знаков – психологических орудий особого рода. В этом очень часто видят опять-таки отличительную черту культурно-исторической теории. И действительно, говоря о теории Выготского, едва ли можно обойтись без упоминания о «знаковом опосредствовании». И не нужно быть особенно проницательным, чтобы увидеть, что принцип опосредствования наносит удар «под дых» классической схеме «стимул-реакция».

Вот что пишет в этой связи Р. Фрумкина:

Я думаю, что главным в концепции Выготского было не просто осознание роли культуры и истории в развитии психики – это понимали и другие. Но именно Выготский сумел придать *исключительное значение развитию операций со знаками*. Особый мир – мир знаков – вот материал, которым, по Выготскому, оперирует мышление. В осознании важности мира знаков Выготский стоит рядом с членами Московского лингвистического кружка и ранним Якобсоном. Из марксизма Выготский «взял» формулировку, согласно которой *знак аналогичен орудью* – для его времени такой ход мысли был закономерен.

О том, что именно взял Выготский из марксизма, мы еще вернемся, но если говорить о роли знаков в развитии высших психических функций и культурных форм поведения – здесь все не так просто. Ведь идеи о роли культурного знака и знаковом опосредовании широко обсуждались в российской философии начала XX столетия.

Например, П. Сорокин прямо говорил о том, что «знаковое окружение формирует типологию того или иного поведения» [8]. У Г. Шпета читаем: «Сфера этнической психологии априорно намечается как сфера доступного нам через понимание некоторой системы знаков, следовательно, ее предмет постигается только путем расшифровки и интерпретации этих знаков... Другими словами, мы имеем дело со знаками, которые служат не только указаниями на вещи, но выражают также некоторое значение. Показать, в чем состоит это значение, и есть не что иное, как раскрыть соответствующий предмет с его содержанием, т.е. в нашем случае это есть путь уже к точному фиксированию предмета этнической психологии" [9]. Нельзя не упомянуть и отца Павла Флоренского, называвшего символы «органами общения с реальностью» [10] (Флоренский, 1990, с. 344), и определявшего *слово* как то, что «соприкасает с миром, что по ту сторону наших собственных психических состояний» [11], или, в другом месте, как «амфибию», поскольку оно является посредником между миром внутренним и внешним.

Так что, если смотреть в историко-философской перспективе, то ни в идее об определяющей роли социальной среды, ни в идее о знаковом опосредствовании ничего принципиально нового не обнаруживается. И дело, разумеется, вовсе не в том, что Выготский придал психологическое содержание философским идеям старших своих современников – совсем не о заимствовании идет речь. Парадоксально, но речь в данном случае идет даже не о Выготском - речь идет об ограниченности *нашего* понимания хода мысли Льва Семеновича, речь идет о наших попытках *выдать за нечто новое вообще, то, что является новым исключительно для нас*. Возьму на себя смелость утверждать, что сам Выготский едва согласился бы, если бы ему сказали, что суть его подхода состоит в признании ведущей роли социальной среды в развитии и знаковом опосредовании высших психических функций. А если бы и согласился, то с весьма существенными оговорками и пояснениями. И пояснения эти он сделал! Правда, писал он на языке своего времени, и в текстах своих предполагал, что его читатели – тоже люди культуры. И не его вина, что тексты эти для нас остаются зашифрованными...

III

«Все это, может быть, и интересно, но это лишь общие слова. Нельзя ли поконкретнее? Нельзя ли все вышесказанное подтвердить какими-то конкретными примерами, взятыми непосредственно из текстов Выготского?» - предвижу я вопрос. Что ж, обратимся к примерам из текстов и посмотрим, *как они были прочитаны и поняты, и как они могут быть прочитаны и поняты*. Но сначала – небольшой тренировочный тест.

Я не берусь судить, кто из читателей этой статьи сможет дать правильный ответ на вопрос «Сколько всего пьес написал Осип Мандельштам?». Поэтому я несколько

видоизменю его и спрошу «Сколько пьес написал Осип Мандельштам?». Более того, я, как теперь принято в ЕГЭ (для непосвященных – ЕГЭ это единый государственный экзамен), дам два варианта ответа: (1) меньше 10; (2) больше 10.

Правильно на этот вопрос ответит только тот, кто знает, что означало слова «пьеса» в конце 19 – начале 20 века, не так ли? А для этого нужно вспомнить, что пьесой в то время часто называли стихотворение, вообще любое поэтическое произведение. Вспомним, в этой связи, И. С. Тургенева. В «Дворянском гнезде» Михалевич в гостях у Лаврецкого говорит «Послушай, ты знаешь, я пописываю стихи...Я тебе прочту свою последнюю пьесу. В ней я выразил самые задушевные мои убеждения...»[12] .

Перейдем теперь непосредственно к текстам Л. С. Выготского. Я возьму лишь один пример, хотя примеров таких я мог бы привести множество. Признаюсь сразу – пример выбран мной не случайно. И не потому, что он – самый яркий, самый, так сказать, выигрышный, с точки зрения возможностей интерпретации. Я выбрал именно этот пример потому, что он касается самой сути концепции, самой её сердцевины, основы, фундаментального принципа подхода Выготского к проблеме развития человеческого сознания. Сам Выготский определял его как «общий генетический закон культурного развития». Закон этот в теории Выготского – это все равно, что формула $E=mc^2$ для теории относительности. В нем в концентрированном виде выражена сущность культурно-исторической теории. Без ясного понимания сути этого основного закона невозможно ясное понимание теории Выготского, точно так же как без понимания физического смысла $E=mc^2$ едва ли приходится говорить о понимании теории относительности.

Итак, вот формула основного закона, в том виде, как он был сформулирован Л. С. Выготским.

«Мы можем сформулировать общий генетический закон культурного развития в следующем виде: всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва социальном, потом — психологическом, сперва между людьми как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка как категория интрапсихическая. Это относится одинаково к произвольному вниманию, к логической памяти, к образованию понятий, к развитию воли» [13].

Посмотрим теперь, как общий генетический закон интерпретируется. Начнем, как это ни покажется странным, с западных последователей Выготского. Объясню, почему – я просто хочу отреагировать на разделяемое, увы, многими, мнение о том, что продуктивная рецепция его идей состоялась в большей мере в США, чем на родине.

В 1978 году в США появилась книга под названием «L. S. Vygotsky. Mind in Society. The development of higher mental functions» (Л. С. Выготский. Сознание в обществе. Развитие высших психических функций) в переводе и под редакцией целых четырех известных ученых – М. Коула, В. Джон-Стейнер, С. Скрибнер и Е. Суберман. Появилась она, кстати сказать, задолго до выхода в свет Собрания Сочинений Выготского на русском языке. Один из редакторов этой книги Майкл Коул является наиболее авторитетным на Западе экспертом в культурно-исторической психологии, имеющим представление о ней

не понаслышке, а из первых рук. Достаточно сказать, что он, вместе с Дж. Верчем, был аспирантом А. Р. Лурия и уже много лет является одним из самых активных пропагандистов и издателей работ Л.С. Выготского, А.Р. Лурия и ряда других российских психологов на Западе, одновременно развивая собственный подход в целом ряде экспериментальных исследований.

Можно сказать, что эта книга открыла Выготского западному читателю, и в этом смысле заслугу редакторов-переводчиков трудно переоценить. Это были, по сути дела, первые переводы оригинальных текстов Выготского. Можно сказать, что эта книга в значительной степени повлияла на весь процесс рецепции его идей на Западе. Книгу эту продолжают цитировать и на нее ссылаться, хотя прошло уже довольно много времени, и даже несмотря на то, что основные его работы уже опубликованы на английском языке, Причем, и я хочу обратить на это внимание, ссылаются именно как на *тексты Выготского*.

Как же в этой книге выглядит формулировка общего генетического закона культурного развития?

"Каждая функция в развитии ребенка появляется дважды: сначала на социальном уровне, а затем на индивидуальном уровне; сначала - между людьми (интерпсихологически), а затем внутри ребенка (интрапсихологически). Это относится в равной степени к произвольному вниманию, логической памяти и формированию понятий" [14]

На первый взгляд, перевод вполне адекватен, если не считать пары незначительных мелочей, хотя, по правде сказать, какие могут быть мелочи в формулировке основного закона, который, по определению, должен быть сформулирован предельно точно и ясно? Итак, слова «появляется на сцену дважды» заменены на «появляется дважды»; «в двух планах – социальном и психологическом» стало «на двух уровнях – социальном и индивидуальном», а упоминание о том, что закон относится в равной степени и к развитию воли» выпущено вообще.

Да и переводе ли дело? Не будем придираться к деталям, ведь суть-то выражена точно! И западные исследователи (имеющие дело лишь с переводом), и отечественные, работающие с русскими текстами Выготского, однозначно согласятся – в формулировке основного закона культурного развития речь идет о том, что называется социальным происхождением сознания (*social origins of mind*). Речь идет о том, что высшие психические функции сначала складываются в социальных отношениях между людьми и только потом переходят во внутренний план, становятся внутренними психическими функциями, то есть интериоризируются. Поэтому бессмысленно искать истоки человеческого сознания под черепной коробкой, в организации структур мозга – они находятся в системе социальных отношений. В этом если не главная, то одна из главных отличительных особенностей подхода Выготского к проблеме развития сознания. Не от индивидуального к социальному, а прямо противоположным образом – от социального к индивидуальному, - вот путь становления человеческого сознания и культурного

развития высших психических функций. Вот что сформулировано Выготским как основной закон культурного развития.

Первоначально высшие психические функции возникают на социальном уровне, в отношениях между людьми, а затем – на уровне индивидуальном, интрапсихическом. Именно эта формула (с незначительными модификациями) уже много лет повторяется, воспроизводится, тиражируется, переходит из книги в книгу, из статьи в статью. Именно эта формула комментируется и интерпретируется, становится основой многочисленных экспериментальных исследований и в нашей стране и за рубежом. Спросите любого психолога, работающего в русле культурно-исторической психологии о том, что гласит основной закон культурного развития по Выготскому и в ответ вы получите именно эту формулу. Так что дело здесь действительно не в переводе, а в сути.

И формула эта повторяется так часто, что уже и не обсуждается по существу. Она просто воспринимается как раз и навсегда установленная аксиома культурно-исторической психологии. Для многих представляется совершенно ясным, что оспаривать эту формулу – это все равно, что оспаривать саму культурно-историческую теорию Выготского.

Но вот что интересно. Социальные бихевиористы, ориентируясь именно на эту формулу, тоже считают теорию Выготского одной из разновидностей социального бихевиоризма. А как же иначе? Сначала функция появляется в социальных отношениях, а потом внутри личности – ну чем не социальный бихевиоризм? Ну а то, что сам Л. С. Выготский весьма и весьма скептически, да и просто критически относился к любой разновидности бихевиоризма (отношение это высказано в уже упоминавшейся мной статье в БМЭ [15]), то это остается мало кому известным и никому неинтересным далеким историческим фактом, почти недоразумением. Ведь Дж. Мид тоже исходил из того, что личность ребенка формируется в процессе его взаимодействия с другими, так что принципиальных разногласий в подходах нет. Кстати сказать, и в семидесятых годах прошлого века, на Западе Выготского воспринимали главным образом как социального бихевиориста, несмотря на все усилия его последователей и пропагандистов его идей доказать обратное. С тех пор ситуация не очень сильно изменилась.

Ситуация не очень сильно изменилась еще и потому, что порой и сами выготскианцы, ученые, выросшие на теории Выготского и являющиеся экспертами в этой области, прямо относят ее к социогенетическим теориям в психологии. В одной из последних книг Яана Валсинера [16], вышедшей в 2000 году (а эта книга, на мой взгляд, является лучшим из всех имеющихся сегодня академических учебников по культурной психологии развития) прямо говорится, что основной закон культурного развития как он сформулирован в культурно-исторической теории, может быть назван законом Жанэ-Выготского.

Это можно было бы считать чистой воды недоразумением, если бы не то обстоятельство, что Я. Вальсинер является автором (вместе с голландским психологом Р. Ван Дер Виром) одной из самых обстоятельных и лучших книг о Выготском и его

психологической теории [17]. Так что у нас нет никаких оснований не доверять мнению авторитетного эксперта.

Поэтому имеет смысл рассмотреть позицию Я. Вальсинера подробнее. Итак, по мнению автора,

«Главным вкладом Выготского было последовательное приложение основного социогенетического принципа (взятого у Пьера Жанэ) к развитию человека. Закон Жанэ-Выготского (так он может быть приблизительно обозначен) развития человека состоит в том, что каждая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцене дважды – сначала в социальных отношениях между людьми, а затем внутри интрапсихологической самоорганизованной системы личности» [18]

Тем самым утверждается, что заслугой Выготского было всего-навсего то, что он последовательно приложил заимствованный у Жанэ принцип. А принцип этот, который сам П. Жанэ называл фундаментальным законом психологии, гласит, что в процессе развития ребенок начинает применять по отношению к себе те самые формы поведения, которые первоначально другие применяли по отношению к нему. Ребенок, таким образом, усваивая социальные формы поведения, переносит их на самого себя. По Жанэ, корни таких процессов, как мышление, произвольное запоминание и т.д., бессмысленно искать в естественных особенностях человеческого мозга, и для объяснения их происхождения следует обратиться к социальной среде и к истории.

Выготский, разумеется, прекрасно знал работы П. Жанэ. Более того, он считал, что метод исследования, им предложенный, есть метод « совершенно бесспорный с точки зрения истории культурного развития ребенка» [19]. Действительно, открытие П. Жанэ процесса интериоризации, то есть процесса перехода психических функций извне вовнутрь трудно переоценить.

Однако в самой идее признания социальных факторов ведущими, определяющими психическое развитие, развитие сознания, ничего нового для Выготского (и до Выготского) не было. Споры о том, какие факторы – биологические (генетические) или социальные, «натуральные» или «культурные» - являются, главными, определяющими развитие, велись очень долгое время и были весьма актуальными. В результате этих дискуссий верх одержал принцип конвергенции, то есть признание того, что психическое развитие определяется взаимодействием как социальных, так и биологических факторов. К примеру, известный психолог Г. Айзенк, считал, что интеллект определяется на 80% влиянием среды, и на 20% биологическими факторами [20].

Какова же была позиция Л. С. Выготского в этом споре? Она высказана весьма ясно и определенно.

...дуализм среды и наследственности уводит нас на ложный путь. Он заслоняет от нас тот факт, что развитие есть непрерывный самообусловленный процесс, а не марионетка, направляемая дерганьем двух ниточек [21]

Более развернуто эта позиция по отношению к основным подходам в психологии развития была выражена в лекциях по педологии [22]. Суть ее может быть выражена так: и социальные и биологические факторы, конечно, влияют на развитие, они могут способствовать развитию, а могут и препятствовать. Но они *не определяют само развитие* потому, что не являются ни его источником, ни его движущей силой. А посему ни биогенетические, ни социогенетические теории не дают и не могут дать ответа на вопрос о развитии, ибо сам процесс развития находится вне их предмета, выходит за их рамки. Поэтому-то и необходим иной, принципиально иной подход, который должен сделать своим предметом *само развитие* высших психических функций.

Итак, налицо очевидное противоречие. С одной стороны, тексты Выготского показывают, что его теория есть один из вариантов социогенетического подхода в психологии (закон Жанэ-Выготского), с другой стороны опять же тексты свидетельствуют, и не менее убедительно, о его резко критическом отношении к самой идее социогенетической психологии, к самой идее факторного подхода к развитию. Означает ли это, что Выготский противоречил сам себе, что его концепция внутренне противоречива и ограничена? А может быть дело в том, что противоречиво и ограничено наше понимание текстов Выготского? Давайте, на минуту, допустим, что это так и попробуем из этой позиции внимательно и вдумчиво прочитать, и расшифровать формулировку основного закона культурного развития у Выготского.

Итак, Выготский пишет: всякая функция в культурном развитии ребенка появляется дважды, в двух планах, сперва в социальном, а потом психологическом. Однако это не означает, что функция первоначально возникает *в социальных отношениях*, как это может показаться. Выготский имеет в виду совсем другое. Функция не возникает в социальных отношениях, внутри социальных отношений, *она сама и есть социальное отношение. Она, функция, первоначально возникает в форме реального социального отношения между двумя людьми.*

Всякая высшая психическая функция была внешней потому, что она была социальной раньше, чем стала внутренней, собственно психической, функцией, она была прежде социальным отношением двух людей...[23].

Иными словами, социальное происхождение сознания не в том, что функция первоначально возникает внутри системы социальных отношений (как, кстати, считал П. Жанэ), а в том, что она возникает как реальное социальное отношение двух людей. Этим сразу же задается иная, *принципиально* иная логика анализа происхождения высших психических функций. Почему? Хотя бы потому, что реальное социальное отношение между людьми предполагает наличие субъектов, участников этого отношения, которые это отношения строят. Ребенок – не пассивный реципиент-усваиватель социальных норм и правил, он – участник социального взаимодействия. Ребенок не асоциален изначально – наоборот, он социален в том смысле, что выступает именно *как участник* социального взаимодействия. Социальная среда выступает не как фактор развития (наряду с другой «ниточкой» – фактором биологическим), но как источник развития. А это совсем не одно и то же. Формула Жанэ - ребенок начинает применять по отношению к себе те самые формы поведения, которые первоначально другие применяли по отношению к нему. Формула Выготского - ребенок начинает применять по отношению к себе те самые формы поведения, которые первоначально сложились *как его социальные*

взаимодействия с другими. И, словно боясь быть неправильно понятым, Выготский повторяет еще и еще раз:

Все высшие психические функции суть интериоризованные отношения социального порядка...[24].

Более того, даже перейдя во внутренний план личности, став индивидуальной по форме, функция остается социальной по содержанию.

Их состав, генетическая структура, способ действия – одним словом, вся их природа социальна: даже превращаясь в психические процессы, она остается квазисоциальной...» (там же)

Иными словами, по Выготскому, внешнее и внутреннее есть две формы существования *одного и того же* социального отношения.

Выготский действительно очень хорошо знал современную ему психологию и ориентировался в ее актуальной проблематике, предлагая свой путь решения тех проблем, которые казались неразрешимыми. Высоко оценивая подход П. Жанэ, Выготский, вместе с тем, не менее хорошо осознавал его принципиальную ограниченность. Не углубляясь в дебри и развернутую аргументацию, сформулирую это коротко, но при этом буду придерживаться логики Выготского. До появления теории Жанэ существовало две главных проблемы. Первая – если психическая функция сначала возникает в социальных отношениях, внутри социальных отношений, то как именно, каким образом, она возникает и в каком виде, в какой реальной конкретной форме она существует? Вторая – если, возникнув в социальных отношениях, она переходит во внутренний план сознания, то как именно это происходит? Принцип интериоризации Жанэ дал ответ на второй вопрос. Но ответ этот принципиально неполон, односторонен, ибо первый вопрос остается без ответа – в каком виде, в какой форме в социальных отношениях существует то, что потом интериоризируется? И это поистине «роковой вопрос» для всех, без исключения, социогенетических теорий в психологии, ибо в рамках социогенетического подхода дать ответ на него нельзя. Принципиально иной подход и предложил Л. С. Выготский, сформулировав основной генетический закон культурного развития.

Но вернемся к тексту. Если каждая высшая психическая функция первоначально была социальным отношением двух людей, то означает ли это, что любое социальное отношение двух людей может стать высшей психической функцией? Ведь в реальной жизни и ребенка и взрослого очень много разного рода социальных взаимодействий, и, уж конечно, далеко не все они становятся высшими психическими функциями. Можно допустить, что какие-то социальные отношения становятся высшими психическими функциями, а какие-то не становятся. Мы здороваемся с соседями, выходя утром из дома, мама укладывает ребенка спать и рассказывает ему сказку на ночь, ребенок узнал новое слово и использует его где ни попадя, словно проверяя границы применения этого нового слова – и то, и другое и третье есть социальные взаимодействия. Ясно, что, социальные отношения, становящиеся высшими психическими функциями в сознании ребенка должны обладать какими-то отличительными чертами. Они должны иметь

какую-то очень существенную качественную характеристику и по содержанию и по форме.

И она, эта качественная отличительная черта, точно указана. Главное слово здесь - «категория». Всякая функция в культурном развитии ребенка появляется сперва между людьми как категория интерпсихическая, а затем внутри ребенка как категория интрапсихическая, говорит Выготский. Удивительно, но среди тысяч работ, так или иначе посвященных интерпретации основного закона теории Выготского нет ни одной, в которой говорилось бы о том, почему он использует слово «категория», и использует, кстати сказать, дважды. Удивительно, что и западные исследователи (имеющие дело с переводами, в которых этого слова, как мы увидели, вообще нет), и отечественные последователи Выготского (имеющие дело с оригинальными текстами) упорно не обращают внимания на это обстоятельство. Это тем более странно, ведь речь идет об основном законе психологической теории, в котором каждое слово имеет определенный смысл и вес. Можно, конечно, его просто выбросить, пропустить, как несущественную деталь, но скажите, можно ли взять и выбросить из $E=mc^2$ энергию (E), или массу (M) или скорость света (C)? Почему же то, что нельзя сделать с формулой теории относительности в физике, вполне можно сделать с формулировкой основного закона культурного развития в психологии? Попробуем пойти другим путем, и понять, что означает «категория» в формулировке Выготского, попробуем расшифровать этот термин.

В философии Гегеля категория, в отличие от определения, есть всеобщее понятие, отражающее сущность – историю развития предмета, полагающее границы его мыслимого содержания. Материя – Дух, Количество – Качество, Явление – Сущность, Форма – Содержание – вот некоторые примеры гегелевских категорий. Выготский, очень хорошо знавший философию Гегеля, едва ли использовал здесь слово «категория» в этом смысле.

В обыденном смысле, слово «категория» используется либо как синоним жесткой позиции («Это категорически запрещено», «Я категорически не согласен», «Я категорически советую» и т.д.), либо как синоним разделения по группам, разрядам («повышенная категория сложности», «особая категория граждан», «первая категория» и т.д.). Выготский в формулировке основного закона вряд ли использовал слово «категория» и в этом смысле.

Остается два варианта – либо Выготский использовал термин «категория» как необязательную метафору, некую красоту (что еще ждать от гуманитария?), либо он использовал это в каком-то ином значении, которое остается для нас недоступным, скрытым, зашифрованным. Если встать на первую точку зрения – все становится легко, и мы уподобляемся известному персонажу Стругацких – снежному человеку Феде из «Сказки о тройке». Помните, как Федя читал газету?

...он добрался до слова «дезоксирибонуклеиновая», дважды попытался взять его с налету, не преуспел, применил слоговой метод, запутался, пересчитал буквы, затрепетал и робко посмотрел на меня.

- Дезоксирибонуклеиновая, - сказал я. – Это такая кислота. Дезоксирибонуклеиновая.
- Кислота, - повторил он перехваченным голосом. – А зачем она такая?
- Иначе ее никак не назовешь, - сочувственно сказал я. – Разве что сокращенно – ДНК. Да вы это пропустите, Федя, читайте дальше.
- Да, да, - сказал он. – Я лучше пропущу. [25]

Мы не будем пропускать, лучше попробуем расшифровать. Исходить при этом будем из того, что Выготский писал на языке своего времени, на языке людей культуры, русской культуры начала прошлого века, и в читателях своих тоже предполагал людей культуры, язык этот понимающих, как свой родной. Так вот, в языке культуры под словом «категория» понималось нечто весьма определенное: категория есть острое столкновение позиций, характеров, драматическая коллизия, конфликт между людьми или внутри человека, столкновение, сопровождаемое острыми эмоциональными переживаниями. Термин этот широко использовался в живописи, поэзии, музыке, но особенно – в театре, в языке театра, театральной режиссуры. Кстати, в «Театральном словаре» Вс. Мейерхольда, с которым Выготский дружил, слово «категория» именно так и интерпретируется [26]. В этой же словарной статье Вс. Мейерхольд пишет, что категория – то есть столкновение, открытый или скрытый конфликт есть суть драмы, ее основная структурная единица. Драматическое произведение, в широком смысле, состоит из ряда событий – категорий. Впрочем, сама жизнь человеческая – тоже. И как тут не вспомнить всем известное шекспировское: весь мир – театр (а Шекспир был любимым драматургом Выготского)...

Для людей, живущих в культуре и говорящих на ее языке, слово это было понятно, и ни в каком переводе, ни в какой расшифровке не нуждалось.

Аналогия развития личности как драмы с театральной драмой вполне уместна, если вспомнить, что главной своей задачей Выготский считал построение «психологии в терминах драмы». Именно так, именно этими словами он определял свою научную программу. Некоторые исследователи, в частности М. Г. Ярошевский, обращали внимание на это, оговариваясь, что этот проект Выготского был всего лишь замыслом, возникшим в последние годы жизни, задумкой, без конкретных деталей, который так и остался нереализованным. [27]. Но никто из исследователей никак не связывает эту, якобы нереализованную, программу, с основным законом культурного развития. Но, как видим, возможна и иная точка зрения. Но не будем отвлекаться.

Итак, восстановив (пока только частично) контекст, попробуем еще раз прочитать Выготского. Всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцене дважды. Заметим, речь идет не о психическом развитии, не об интеллектуальном развитии, а именно о развитии культурном. Она появляется в двух планах – сначала социальном плане, как драматическое столкновение двух людей, как коллизия, конфликт, противоречие, требующее разрешения и сопровождающееся эмоциональными личностными переживаниями то есть как категория, и лишь потом она еще раз появляется внутри личности, но именно снова как категория – но уже как столкновение позиций внутри личности, как событие *драмы развития личности*, как коллизия, конфликт, переживаемый человеком как факт собственной судьбы. Заметим, что Выготский чрезвычайно точен в деталях – не «на двух уровнях – социальном и

психологическом», а именно в двух планах одной сцены драмы! Нет никаких уровней, а есть одна сцена, – сцена нашей жизни, - на которой разворачивается драма развития личности. И на ней, как и на сцене театральной есть два плана – передний план (авансцена), на которой происходят внешние коллизии, столкновения характеров, позиций стремлений и т. д. И план второй – скрытый, неявный, индивидуальный, но не менее напряженный, где эта же категория, драматическое столкновение разворачивается вновь. Так что не только слово «категория», но и слова о том, что высшие психические функции появляются *на сцене*, и что они появляются *в двух планах* использованы Выготским отнюдь не как красоты, необязательные метафоры. Наоборот, они наиболее точно и полно выражают суть дела – далеко не каждое социальное отношение, социальное взаимодействие может стать внутренней высшей психической функцией, а только то, которое появляется на сцену как категория, как единица драмы.

Однако и это еще не все. Мы говорили уже, что понятие категории предполагает не только столкновение позиций, но и эмоциональное *переживание*. Если, по определению, категория есть динамическая единица драмы, то переживание, внутреннее переживание, есть явление, по определению психологическое, относящееся к сознанию. И, если мы правильно понимаем логику Выготского, то мы с неизбежностью должны придти к тому, чтобы определить переживание как динамическую единицу сознания – ведь именно в акте переживания драматическое столкновение переплавляется и выливается в изменение структуры личности, становясь актом развития. Если действительно, Выготский исходил из того, что категория есть единица драмы, то переживание является единицей сознания. Переживание, и ничто иное. Признание переживания единицей сознания должно быть первым очевидным следствием, вытекающим из основного закона культурного развития. Но при условии, что закон этот мы понимаем действительно правильно. Если же мы понимаем его неправильно, то единицей сознания можно считать что-то иное – смысл, значение, действие, интенцию, намерение, замысел и т.д. и т.п., но никак не переживание. Что ж, вновь обратимся к Выготскому:

" действительной динамической единицей сознания , т.е. полной, из которой складывается сознание , будет переживание" [28].

Здесь комментарии, я думаю, излишни. Однако возможен вопрос – почему же Выготский не написал прямо, безо всяких непонятных «категорий», что функции появляются первоначально как драматическое социальное взаимодействие, *как реальная драма* между людьми, а потом уже как внутренняя функция? Ведь если бы он написал именно так, то тогда уж точно не было бы никаких сомнений в том, что он имел в виду. Тогда можно было бы признать, что *такое* понимание сути основного закона культурного развития действительно адекватно и не является еще одной, наряду со многими другими, попыткой интерпретации классического текста, который каждый читатель понимает в меру своих возможностей. И вообще, не слишком ли это самонадеянно – взять и отказаться от имеющихся классических, несомненных, ставших хрестоматийными, интерпретаций основного закона Выготского, апеллируя к каким-то неопределенным, неясным и потому сомнительным аллегориям – «сцена», «категория» и пр.? Я предвижу вопрос подобного рода. И у меня нет необходимости на него отвечать. Потому что ответил на него.... Лев Семенович Выготский. Я уже цитировал это место из

Выготского выше, не без умысла не процитировав до конца. Сейчас самое время привести цитату полностью. Выготский говорит о том, как, исходя из природы происхождения высших психических функций, необходимо их исследовать, воссоздавая в экспериментальных условиях ход развития. Итак, на той же странице, где он формулирует основной закон культурного развития, словно поясняя его суть, он пишет:

Всякая высшая психическая функция была внешней потому, что она была социальной раньше, чем стала внутренней, собственно психической, функцией, она была прежде социальным отношением двух людей... Отсюда одним из основных принципов... является... принцип разделения функций между людьми, разделение надвое того, что сейчас слито в одном, экспериментальное развертывание высшего психического процесса в ту драму, которая происходит между людьми...[29]

Я и это позволю себе оставить без комментария, а лучше продолжу чтение. Почему Выготский говорит, что основной закон относится одинаково к произвольному вниманию, к логической памяти, к образованию понятий, к развитию воли? Ведь при таком понимании сути закона это выглядит явной бессмыслицей! Если исходить из традиционного, устоявшегося понимания, то все логично – и произвольное внимание, и логическая память и волевые действия первоначально возникают *в социальных отношениях*, во взаимодействии со взрослым (пусть даже и в драматических взаимоотношениях). Они идут от взрослого (или от другого ребенка), с которым взаимодействует ребенок при помощи специальных искусственных средств. Постепенно, ребенок начинает использовать эти средства для организации своего собственного поведения. Элементарный пример – сначала взрослый учит ребенка считать, загибая пальчики на его руке, организуя, таким образом, его память, а потом ребенок уже делает это самостоятельно, организуя тем самым свою собственную память, превращая ее из непроизвольной в произвольную.

Пример, конечно, не аргумент, но иллюстрация. Приведу иллюстрацию и я. Представьте, что вчера вы встретились с лучшим другом, которого знаете много лет. Встретились, и поссорились. То ли потому, что настроение было неподходящее, то ли от накопившейся усталости, то ли еще непонятно отчего, вы наговорили друг другу кучу неприятных вещей, в запале эмоций, не сдерживаясь и, что называется, переходя границы приличий. Короче говоря, произошел конфликт (категория). Вернувшись домой, вы, под впечатлением, всю ночь продолжали мысленный спор с другом, находя все новые и новые аргументы и жалея, что они не пришли вам в голову раньше. А утром, когда страсти улеглись, и угар закончился, вы начинаете вспоминать произошедшее. Вы начинаете понимать, что наговорили лишнего, незаслуженно обидели друга, были несдержанны, а порой и просто несносны. Ваши переживания по этому поводу не оставляют вас, вы начинаете анализировать слова друга и свои собственные, сопровождая это внутренними комментариями типа: «Ну зачем я это сказал, надо было по-другому или вообще об этом не говорить, эта тема вообще его очень ранит, а я взял и ударил ниже пояса», «Он же совсем другое имел в виду. Он тоже хорош, конечно, но он все-таки мой друг». Продолжать этот пример внутреннего диалога-переживания я не буду – суть того, о чем я говорю, ясна. Уверен, что читатель этой статьи никогда не оказывался в подобной ситуации, но думаю, что чисто гипотетически представить ее может каждый. Я говорю о «внутренней категории», то есть о той же самой вчерашней

драме, но переживаемой уже во внутреннем плане. В этом переживании, в этом акте, в этом процессе слиты воедино и память («Что же я наговорил! – жутко вспомнить»), и мышление («Надо было совсем не так – что же это я?»), воля («Больше никогда я так делать не буду!»), и даже воображение («Трудно себе представить, чем это могло бы кончиться»), не говоря уж об эмоциях (раскаяние, стыд и т.д.).

И если это действительно глубокое переживание, то оно действительно делает меня другим, приносит изменения в структуру моего сознания и моей личности. И, кто знает, может быть, это поможет мне в будущем вести себя в подобных ситуациях, иначе. Так происходит акт развития, в котором слиты воедино, сплавлены все психические процессы. Более того, в этом переживании сознание слито со средой, прошлое слито с настоящим и будущим, и даже внешнее, социальное неотделимо от внутреннего, индивидуального. Выготский, во избежание недопонимания, подчеркивал именно это обстоятельство, когда говорил, что «очень наивно понимать социальное только как коллективное, как наличие множества людей. Социальное и там, где есть только один человек и его личные переживания» [30]. Обратите внимание – не просто «только один человек», а «один человек и его личные переживания». Так что закон культурного развития действительно в равной степени относится и к произвольному вниманию, и к логической памяти, и к развитию воли.

И это очень важно, потому что здесь открывается совершенно новая, принципиально новая для психологии того времени, логика исследования происхождения и развития высших психических функций. Иным, отличным от традиционных, становится сам предмет исследования, предмет теории. Предметом теории являются не высшие психические функции, а *их происхождение и развитие*. Не буду вдаваться в детали, а просто обращусь к первоисточнику. В книге «История развития высших психических функций» Выготский пишет:

Понятие "развитие высших психических функций" и предмет нашего исследования охватывают две группы явлений, которые на первый взгляд кажутся совершенно разнородными, а на деле представляют две основные ветви, два русла развития высших форм поведения, неразрывно связанных, но не сливающихся никогда воедино. Это, во - первых, процессы овладения внешними средствами культурного развития и мышления - языком, письмом, счетом, рисованием; во-вторых, процессы развития специальных высших психических функций, не отграниченных и не определенных сколько-нибудь точно и называемых в традиционной психологии произвольным вниманием, логической памятью, образованием понятий и т.д. Те и другие, взятые вместе, и образуют то, что мы условно называем процессом развития высших форм поведения ребенка" [31].

Так что оба вышеприведенных мною примера имеют прямое отношение к теории Выготского. Первый пример (счет на пальцах) – это пример овладения внешними средствами культурного развития (знаками), а второй (ссора с другом) – пример развития высших психических функций. И дело вовсе не в том, что и процессы овладения внешними культурными средствами, и процесс развития высших психических функций исследовались в психологии и до Выготского, а в том, что Выготский был первым, кто показал, что эти две ветви развития, казавшиеся разнородными, есть ветви *одного* дерева, две стороны единого процесса. Более того, если до Выготского, психология исследовала высшие психические функции исходя из

того, что каждая из них развивается по собственным законам, то Выготский был первым, кто показал, что развитие всех высших психических функций происходит по единому закону. Основной закон культурного развития показал логику разворачивания обеих этих сторон в едином процессе реальной драмы развития сознания. Культурное развитие несводимо ни к процессу овладения внешними культурными средствами, ни к развитию отдельных специальных высших психических функций. Процесс развития разворачивается как реальная драма личности, в которой внешние культурные средства и высшие психические функции становятся инструментами, средствами для разрешения жизненных коллизий, противоречий, с которыми сталкивается личность в своей жизни [32]. Если бы я отвечал на вопрос, поставленный в статье Р. Фрумкиной [33], то ответил бы примерно так. Не берусь судить, насколько рационально обоснован мой ответ, но думаю, что представленный мной опыт прочтения основного закона культурного развития у Выготского, дает некоторое основание на это надеяться.

Не могу, в этой связи, не вернуться к вопросу о роли знака в психическом развитии у Выготского, о знаковом опосредствовании. Я уже говорил, что нет почти ни одного исследования, где так или иначе не утверждалось бы, что одной из главных (если не самым главным) идей культурно-исторической теории Выготского является идея о знаковом опосредствовании высших психических функций [34]. Эта мысль, в различных модификациях, повторяется столь часто, что превратилась едва ли не в клише, в некую визитную карточку теории Выготского. В начале статьи я уже писал, что темы о роли культурного знака и знаковом опосредствовании обсуждались в российской философии начала XX столетия, да и в мировой психологии тоже. Так что в этом смысле назвать Выготского первооткрывателем едва ли возможно, не погрешив против фактов. Но одно дело – увидеть некий факт, и совсем другое дело – за этим единичным фактом увидеть и вскрыть глубокий закон, определяющий и объясняющий множество фактов, до этого казавшихся разрозненными и никак между собой не связанными. Так что вопрос этот никак нельзя обойти.

В литературе о культурно-исторической теории очень часто идея знакового опосредствования у Выготского подается в следующем виде. Считается, что в традиционную и классическую для психологии того времени схему «стимул – реакция» Выготский включил еще один компонент – знак, превратив ее, тем самым, в схему «стимул – знак – реакция». Эта новая схема Выготского очень часто рисуется в виде треугольника. Далее утверждается, что включение знака в эту модель, принципиальным образом изменяет всю картину, структуру самого процесса, знак становится своего рода *психологическим орудием*, используя которое, человек овладевает культурными формами поведения, преобразуя натуральные и непосредственные психические процессы в культурные и опосредствованные.

При этом часто используется пример самого Выготского о ситуации Буриданова осла и жребия. Когда имеется два равных по силе стимула, человек, в отличие от легендарного Буриданова осла, бросает жребий, то есть, как говорил Выготский, «искусственно вводит в ситуацию, изменяя ее, не связанные ничем с ней новые вспомогательные стимулы» [35]. Другой пример – не менее знаменитый – завязывание «узелка на

память», где, опять-таки, знак становится психологическим орудием – средством запоминания.

Культурный знак как психологическое орудие у Выготского – это, конечно, отдельная и большая тема, слишком большая для того, чтобы касаться ее лишь вскользь, мимоходом. Я не буду вспоминать, что Выготский, в отличие от его позднейших интерпретаторов, писал, что употребление орудий и использование знаков являются просто логической аналогией, а не генетически связанными явлениями. Не буду я напоминать о том, что Выготский специально подчеркивал, что употребление орудий и использование знаков представляют собой две расходящиеся линии опосредующей деятельности, не имея при этом ни общего корня, ни общего происхождения [36]. И уж конечно, не стану я повторять, вслед за Львом Семеновичем, что *знак только потому не может быть «психологическим орудием»*, что, как и орудие, является средством воздействия на ситуацию, с той только разницей, что орудие является средством воздействия человека на объект его деятельности, и направлено вовне, а знак есть средство психологического воздействия на поведение, и направлен внутрь [37].

Меня интересует другое: можно ли рассмотреть структуру знаковой операции у Выготского, исходя из того понимания основного генетического закона культурного развития, которое мы здесь рассматриваем? Иначе говоря, вопрос в том, чтобы попытаться увидеть, что представляет собой знаковое опосредование, структура знаковой операции и сам знак, как культурное средство, если исходить из идеи о развитии как драме.

Мне кажется, здесь есть над чем поразмыслить. Ведь одно дело – анализировать психологическую структуру знаковой операции саму по себе, и совсем другое дело анализировать ее с точки зрения того, что овладение знаком есть один из аспектов (важнейший, но один из!) разворачивания драмы развития, описанной общим законом культурного развития. Одно дело – рассматривать треугольник «стимул – знак (искусственное средство) – реакция» в сравнении с классической линейной схемой «стимул – реакция», и совсем другое дело – попытаться рассмотреть структуру знаковой операции соотнося ее с общим процессом развития высших психических функций. Может быть, взгляд с этой точки зрения позволит увидеть эту структуру иначе, увидеть в ней что-то новое и, может быть даже, существенно новое?

В самом деле, если посмотреть на знаковую операцию (тот же жребий или завязывание «узелка на память») в чистом виде, то здесь все кажется предельно ясным. В отличие от линейной связи «стимул – реакция», здесь появляется специально введенный искусственный внешний стимул – средство, который, преобразуя всю ситуацию, приводит к результату. Однако, в структуре самого этого приема, ничего существенным образом не меняется, и появление нового средства, хотя и усложняет ситуацию, но ничего принципиально нового в эту структуру не вносит. Выготский прекрасно это понимал:

Всякий культурный прием поведения, даже самый сложный, может быть всегда полностью и без всякого остатка разложен на составляющие его естественные нервно-психические процессы, как работа всякой машины может быть в конечном счете сведена к известной системе физико-химических процессов. Этот анализ, проведенный последовательно и до конца, всегда приводит к одному и тому же результату, именно он показывает, что нет такого сложного и высокого приема культурного мышления, который бы не состоял в конечном счете из некоторых элементарных процессов поведения. [38]

Но дело заключается в том, что обращение к жребию не имеет смысла, если перед человеком не стоит задача выбора, завязывание узелка просто не нужно, если перед человеком не стоит задача что-то запомнить. Любая знаковая операция обретает смысл как действие, направленное на решение какой-то задачи, на поиск выхода из имеющегося противоречия. Именно ситуация *необходимости выбора и одновременно его невозможности* придает психологический смысл жребию. Именно ситуация *необходимости запомнить что-то и невозможностью это сделать*, опираясь естественные возможности памяти, придает смысл завязыванию узелка. Сама операция со знаком есть компонент в более сложной структуре, она происходит и имеет смысл только внутри этой структуры, главной характеристикой которой является противоречие, с которым сталкивается человек в определенной жизненной ситуации.

Так что и здесь все начинается с «интерпсихической категории», то есть с реальной коллизии, то есть в полном соответствии с основным законом культурного развития. В экспериментальных исследованиях Выготский воспроизводил не саму знаковую операцию, а всю ситуацию в целом, экспериментально разворачивая высший психический процесс в ту драму, которая происходит между людьми. В исследованиях процессов запоминания он ставил детей перед ситуациями, когда задача запомнить что-то возникала в естественной деятельности ребенка, но оказывалась неразрешимой уже имеющимися у ребенка средствами. Тут же перед ребенком находился совершенно нейтральный материал - бумага, булавки, дробь, веревка и т. д.

Если ребенок изобретает этот выход, он прибегает к помощи знаков, завязывая узелки на веревке, отсчитывая дробинки, прокалывая или надрывая бумагу и т. д. Подобное запоминание, основывающееся на использовании знаков, мы рассматриваем как типический пример всякого культурного приема поведения. Ребенок решает внутреннюю задачу с помощью внешних средств; в этом мы видим самое типическое своеобразие культурного поведения [39].

Использование знака, таким образом, является средством решения жизненной задачи. «Ребенок решает внутреннюю задачу» - подчеркивает Выготский. И ребенок *сам* находит подходящее внешнее средство для ее решения, добавил бы я. И если посмотреть на всю ситуацию именно так, то ясно, что она уже не может быть без остатка разложена на составляющие ее процессы, и требует иного способа исследования – не структурного, а структурно-генетического. И только в этом контексте имеет смысл рассматривать знаковую операцию, ибо только в этом контексте она имеет психологический смысл. Суть подхода Выготского не в том, что традиционную линейную схему «стимул – реакция» он заменил нелинейной «стимул – знак (средство) – реакция» - ведь знаковые операции, знаковое опосредствование изучались и другими психологами. Заслуга Выготского в том, что он показал роль и место знакового опосредствования, роль

культурного знака в общем драматическом процессе культурного развития ребенка, то есть в ином, чем это виделось прежде, контексте.

IV.

Говоря о трудностях рецепции идей Выготского нельзя оставить в стороне вопрос о связи культурно-исторической теории и психологической теории деятельности А. Н. Леонтьева. Тема эта и поныне не утратила своей актуальности, и лучшим свидетельством тому являются дискуссии, то затухающие, то разгорающиеся с новой силой. Последний пример – статья А. Б. Орлова под интригующим названием «А. Н. Леонтьев – Л. С. Выготский: очерк развития схизиса» [40], и своеобразный ответ на нее А.А. Леонтьева и Д.А. Леонтьева [41].

Если говорить коротко, то существуют две точки зрения. Сторонники первой убеждены, что существует единая линия «Выготский – Леонтьев» и что психологическая теория деятельности представляет собой продолжение, развитие и углубление основных идей Выготского. В сжатом виде эта точка зрения может быть выражена словами Алексея Алексеевича Леонтьева [42] о том, что нет ничего у Выготского, что не было бы развито в психологической теории деятельности А. Н. Леонтьева. Сторонники второй точки зрения исходят из того, что существует принципиальное различие между теорией Выготского-Лурия и теорией деятельности А. Н. Леонтьева, и эти два подхода представляют собой расходящиеся линии [43]. И, наконец, существует и третья, примиряющая крайности первых двух, позиция, сторонники которой полагают что культурно-историческая психология и психологическая теория деятельности, несмотря на их различия, являются двумя научными парадигмами в рамках единой школы (наиболее последовательно ее отстаивает в ряде своих работах В.П. Зинченко [44]).

И, хотя сторонники всех трех позиций для подтверждения своей правоты обращаются к историческим аргументам, проблема взаимоотношений между двумя психологическими теориями представляет отнюдь не только исторический интерес. Мне думается, что непрекращающиеся дискуссии на эту тему обращены не столько к прошлому, сколько к будущему, ведь речь идет о том, в каком направлении будет развиваться культурно-историческая психология в XXI веке.

Интересно поэтому, хотя бы кратко, взглянуть на историю самой этой дискуссии. Лет тридцать назад абсолютно преобладала первая точка зрения: и у нас в стране и на Западе, психологическая теория деятельности представлялась как закономерный этап развития идей, сформулированных Выготским. Это, между прочим, привело к неожиданному результату. Сейчас в западной литературе закрепился термин «культурно-историческая теория деятельности», и любое упоминание о том, что на самом деле существуют две теории, отличающиеся друг от друга, вызывает недоумение, а то и просто искреннее непонимание у наших западных коллег.

Так вот, если внимательно посмотреть на историю самой этой дискуссии в отечественной литературе, то обнаруживается достаточно интересная картина. Если в

начале абсолютно преобладала первая точка зрения, то со временем у ее сторонников оставалось все меньше и меньше аргументов в ее защиту, и все больше и больше аргументов появлялось у тех, кто считал теории Леонтьева и Выготского расходящимися линиями. У меня есть гипотеза, почему это произошло. Гипотеза эта, конечно, требует проверки, но я все-таки рискну ее высказать. Она заключается в следующем: чем больше появлялось опубликованных оригинальных текстов Выготского (напомню, что Собрание Сочинений было опубликовано только в 1982-1984 годах), тем меньше аргументов оставалось у сторонников «единой линии», и, соответственно, тем больше аргументов появлялось у тех, кто придерживался мнения противоположного.

После публикации основных текстов Выготского стало довольно трудно продолжать настаивать, например, на том, понятие деятельности – центральное понятие в теории А. Н. Леонтьева – разрабатывалось еще Выготским, и было развито в дальнейшем А. Н. Леонтьевым.

Я не случайно вспомнил именно об этом. Сюжет этот имеет самое прямое отношение к теме моей статьи, к вопросу о трудной работе понимания текстов Выготского. Передо мной одна из последних статей В. В. Давыдова[45], в которой автор ставит вопрос о том, является ли понятие деятельности единым основанием школы Выготского-Леонтьева. Он, в частности, упрекает некоторых исследователей в том, что они отрицают наличие у Выготского понятия деятельности, и прямо говорит, что эта точка зрения не соответствует действительности. Вся статья В. В. Давыдова представляет собой систему аргументов в пользу того, что понятие деятельности у Выготского в действительности существовало. Вопрос поставлен предельно жестко и, соответственно, предельно жестко и ясно выстроена система аргументов. Можно сказать, что в этой статье представлен весь спектр аргументов сторонников «единой линии», накопившийся за годы интенсивной дискуссии на эту тему.

Так, в качестве основного, едва ли не самого мощного аргумента в пользу того, что понятие деятельности у Выготского все-таки существовало, и вокруг которого выстраиваются все остальные аргументы, В. В. Давыдов указывает:

Свой общий генетический закон психического развития он формулировал следующим образом: "Всякая высшая психическая функция в развитии ребенка появляется на сцене дважды - сперва как деятельность коллективная, социальная ...второй раз как деятельность индивидуальная..." [46]

Есть одно обстоятельство, которое придает особую пикантность всей ситуации. Дело в том, эту же цитату из Выготского В. В. Давыдов использовал в статье, опубликованной несколькими годами раньше [47]. На что А. В. Брушлинский немедленно и со свойственной ему дотошностью отреагировал следующим образом: «...в исходном и основном тексте Выготского по данному вопросу вообще отсутствует даже слово «деятельность» [48].

Конечно, это можно было бы считать досадным недоразумением, деталью, не имеющей значения в общей картине, если бы речь не шла об основном законе культурного развития. И пусть я неправ в своем прочтении основного закона культурного развития у Выготского, пусть действительно, понятие «категория», и акцент на драме развития не

имеют никакого значения, а являются плодом моего читательского воображения. Но все равно, в формулировке основного закона культурного развития слово «деятельность» отсутствует начисто. Так что, скорее, наоборот, именно отсутствие в основном законе Выготского хоть какого-то упоминания о деятельности, ставит под большое сомнение, что единая линия «Выготский – Леонтьев» действительно существует.

Но вернемся к истории... и к опыту чтения, ведь все, что я пишу, есть просто *заметки читателя*. Сторонники единой линии не устают повторять – Выготский и Леонтьев работали вместе, они были соратниками, они вместе строили новую психологию, существовал и вошел в историю триумвират, тройка «Выготский – Лурия – Леонтьев», и были совместные исследования. Уехав в начале 30х годов в Харьков, Леонтьев продолжил дело Выготского и после его смерти. И в последующие годы, когда имя Выготского вышло из-под запрета, А. Н. Леонтьев неизменно и настойчиво подчеркивал связь теории деятельности с основными положениями подхода Выготского. И, наконец, если и есть различия во взглядах Выготского и Леонтьева, то они слишком преувеличены, чрезмерно раздуты, ибо обе теории создавались ими совместно, и «они последовательно или параллельно работали в том и в другом, сознательно или неосознанно обогащая оба» [49]. Так что есть, есть основания говорить о единой линии «Выготский – Леонтьев», а точнее, о линии «Выготский – Леонтьев – Лурия».

Все это действительно так. Но меня, как читателя, не искушенного в исторических перипетиях, интересует один простой вопрос. Если, действительно, Выготский и Леонтьев вместе, или по очереди, последовательно или параллельно, разрабатывали обе эти теории, то должны сохраниться тексты, или, как минимум, какие-то наброски, фрагменты их общей работы. Не могла же общая и столь напряженная совместная работа остаться только в воспоминаниях современников? Вместе с А. Р. Лурия Выготским была написана книга «Этюды по истории поведения» [50], изданная в 1930 году. Я, конечно, могу и ошибаться, но пока нет публикаций совместных работ Выготского и Леонтьева. Это, разумеется, ни о чем не говорит, ведь далеко не все, кто вместе работают, вместе и пишут. Более того, люди знающие напомнят мне, что в 1931 году вышла книга А. Н. Леонтьева «Развитие памяти», [51], в которой были представлены результаты исследований, проведенных автором под руководством (а значит, в некотором смысле, совместно) в Л. С. Выготским, о чем более чем красноречиво свидетельствует предисловие к ней, самим Выготским написанное.

И, если уж быть совсем точным, то это было фактически первым большим экспериментальным исследованием, посвященным проблеме опосредствования высших психических функций человека в онтогенезе; в этом исследовании было экспериментально разработано положение о «вращивании» внешних средств и приемов запоминания.

Правда, целиком эта книга никогда не переиздавалась, и лишь одна глава из нее – «Развитие высших форм запоминания» - вошла во все четыре прижизненных издания книги А. Н. Леонтьева «Проблемы развития психики», и в Собрание Сочинений [52].

Действительно, этот текст, для меня, неискушенного читателя, является абсолютным свидетельством того, что А. Н. Леонтьев проводил экспериментальные исследования в русле культурно-исторической теории Выготского. Проводил вплоть до 1931 года, то есть до своего отъезда в Харьков.

Но, как свидетельствуют многие, именно в Харькове А. Н. Леонтьев начал создавать собственную теорию – психологическую теорию деятельности, отличную от подхода Выготского. При этом часть исследователей считает, что эта новая теория создавалась как продолжение подхода Выготского, знаменуя новый этап в истории развития единой научной школы, а часть исследователей придерживается иного мнения, утверждая, что теория Леонтьева создавалась как альтернатива Выготскому, на фоне острого критического отношения к ней со стороны Леонтьева. Существует, как всегда бывает в таких случаях, и срединная позиция. Эту позицию обозначил...сам Алексей Николаевич Леонтьев, который в середине 70х годов прошлого века прямо признавал, что

... альтернатива 30—31-го годов оказалась не альтернативой, а необходимой линией движения психологического исследования. Не или—или, а обязательно И—И!" [53]

Но если альтернатива все-таки была, то мне, как читателю, хотелось бы узнать, в чем именно она состояла, и почему «она оказалась не альтернативой, а необходимой линией движения».

И я, как читатель, вновь обращусь к текстам. Текст первый – статья А. Н. Леонтьева «Психологическое исследование речи» [54]. Она представляет собой развернутые тезисы доклада в ВИЭМе (Всесоюзный Институт экспериментальной медицины), от 16 февраля 1935, через полгода после смерти Выготского. В ней А.Н. Леонтьев подробно разбирает научную программу Выготского по исследованию речи и ее роли в становлении сознания. При чтении этой статьи легко увидеть, что из шести пунктов научной программы Выготского, Леонтьев подвергает сокрушительной критике... все шесть.

Взамен предлагается иная, принципиально отличная от критикуемой, программа. Суть ее в том, что «... не только возникновение, но и дальнейшее развитие речи в филогенезе должно быть понято психологически в связи с развитием деятельности человека» [55]. «Развитие деятельности...составляет основу процесса развития значения. За развитием значения, за общением лежит развитие деятельности, организуемой специально» [56].

Здесь впервые формула Выготского «за сознанием лежит жизнь» преобразуется в формулу Леонтьева «за сознанием лежит деятельность». Трудно сказать, была ли эта новая формула альтернативой Выготскому или она была необходимой линией движения – или и тем и другим одновременно, но очевидно одно – водораздел между культурно-исторической теорией Выготского и психологической теорией деятельности Леонтьева находится именно здесь. Именно деятельность становится основным понятием в теории Леонтьева и ядром его психологической теории. В разработке понятия деятельности и ее роли в развитии психики видел А.Н. Леонтьев продолжение *линии Выготского*. В этом

состояла альтернатива, оказавшаяся «необходимой линией движения», тем самым «не или—или , а И—И!»»

В этой связи стоит упомянуть еще одну работу А. Н. Леонтьева, относящуюся к 1930м годам [57]. В ней А.Н. Леонтьев обращается к проблеме переживания, которое, как мы помним, Выготский считал единицей сознания. В этой связи, А. Н. Леонтьев говорит, что переживание не может быть единицей сознания, поскольку оно является фактом вторичным и производным [58]. По его мнению, необходимо решительно отказаться от рассмотрения человека как субъекта переживания *par excellence*. “В деятельности, а не в переживании осуществляется... действительное единство субъекта и его действительности, личности и среды” [59].

Позиция заявлена предельно ясно. Настолько ясно, что само понятие «переживание» вообще не вошло в концептуальный аппарат психологической теории деятельности. Таким образом, получилось, что то, что составляло *фундаментальное* следствие, логически вытекающее из основного закона культурного развития у Выготского, оказалось совершенно ненужным в психологической теории деятельности. Но отказаться от анализа переживания как единицы сознания – значит, в некотором смысле, отказаться от основного закона культурно-исторической теории Выготского. И это - не какая-то второстепенная деталь, а существенно важная, определяющая (в данном случае – разделяющая) позиция.

Все сказанное, конечно, не претендует на окончательный, все расставляющий на места, аргумент в спорах о взаимоотношениях культурно-исторической теории Выготского и психологической теории деятельности Леонтьева. Думается все же, что при обсуждении этой сложной темы мы никак не можем оставить этот аргумент без внимания.

Вообще чем больше я читаю на эту тему, тем сильнее мое ощущение, что последователи А. Н. Леонтьева по каким-то причинам очень хотят любой ценой отстоять свое происхождение от теории Выготского. Со стороны это выглядит немного странным, ведь психологическая теория деятельности является вполне самостоятельной и достаточно продуктивной, она по праву составляет гордость и славу советской и российской психологии, безотносительно к своим истокам. Мне думается, что разнообразные и не всегда вполне корректные попытки каким угодно образом связать ее с теорией Выготского, ставят под вопрос именно самостоятельность, оригинальность и независимость теории Леонтьева и всей его научной школы.

И дело здесь, как мне кажется, не в восстановлении некой исторической справедливости, а в чем-то другом скорее личностном, чем историческом. Я не склонен видеть в этом идентификацию, как защитный механизм, скрывающий глубокий комплекс неполноценности – это явно не тот случай. В. П. Зинченко, в свое время приложивший немало усилий в отстаивании позиции о существовании единой линии «Выготский – Леонтьев», говорит на эту тему так:

С середины 50-х гг. практически все участники деятельностной парадигмы добровольно приняли некоторый персональный код. Оба направления как их сторонниками, так и оппонентами стали маркироваться как научная школа Выготского - Леонтьева - Лурии. Включение Л.С. Выготского в

этот персональный код, обозначавший в послесталинское время не теорию Л.С. Выготского, а теорию А.Н. Леонтьева, содействовало как реабилитации Выготского, так и повышению авторитета школы Леонтьева. [60].

Но есть ли смысл сейчас, когда Выготский уже не нуждается в реабилитации, а школа Леонтьева не нуждается в повышении своего, и без того высокого, авторитета продолжать настаивать на существовании единой линии «Выготский – Леонтьев»? Или инерция слишком велика?

V.

Опыты прочтения и понимания текстов Выготского могут оказаться полезными и для прояснения вопроса об отношении Выготского к марксизму. На эту тему написано очень много, может быть даже слишком много, так, что за деревьями зачастую не видно леса. Никто, похоже, уже не сомневается в том, что главной задачей Выготского было построение марксистской психологии, что философия марксизма стала фундаментом, методологической основой его психологической теории. Л. Р. Грэхэм прямо и без обиняков говорит, что школа Выготского является «явно и последовательно марксистской» [61]. Вообще, складывается впечатление, что марксистам очень нужна собственная марксистская психологическая теория, и что психологическая теория Выготского как нельзя лучше подходит для этого.

Ну а если без шуток, то вопрос «Выготский и марксизм» не имеет смысла обсуждать, если предварительно не уточнить – *какой* Выготский и *какой* марксизм.

Совершенно очевидно, и с этим никто не спорит, что в разные периоды своей столь короткой жизни Выготский придерживался разных теоретических позиций. Его научная эволюция имела несколько этапов. Давайте, дабы не углубляться в эту тему, сравним две его работы - «Педагогическую психологию» (1926) – единственную, напечатанную книгу при его жизни, и «Умственное развитие ребенка в процессе обучения» (1935). При их чтении кажется, будто написаны они двумя разными авторами. «Педагогическая психология» может быть без преувеличения названа гимном условным рефлексам. Во второй книге - совсем иной Выготский: автор понятия о зоне ближайшего развития. А ведь между этими двумя произведениями прошло всего 10 лет. И если отношение к марксизму у Выготского менялось в ходе эволюции его собственных взглядов, то хотелось бы узнать как? А если оно оставалось неизменным, то опять же, хотелось бы узнать, в чем оно состояло?

Но это только одна сторона вопроса. Когда говорят «Выготский и марксизм», то мне всегда хочется спросить, какой марксизм имеется в виду? Без этого какое либо обсуждение вообще теряет смысл. Действительно, имеется ли в виду марксизм Маркса времени «Экономическо-философских рукописей 1844 года», или его же, времени «Манифеста коммунистической партии»? Или имеется в виду марксизм его западноевропейских последователей, о которых сам Маркс сказал однажды: «если эти господа марксисты, то я не марксист»?

Может быть, речь идет о марксизме Ленина-Сталина, выраженном в приснопамятной четвертой главе «Истории ВКП(б)»? А, может быть, имеется в виду марксизм Л. Троцкого? Между прочим, мало кто знает, но в «Педагогической психологии» Выготский весьма обильно и с явной симпатией цитировал Троцкого буквально страницами. Правда, во всех последующих, после 1926 года, изданиях, вышедших уже после смерти Выготского, цитаты из Троцкого были раскавычены редакторами, так что читатель и до сих пор остается в полной уверенности, что это слова самого Выготского. А вот в книге «История развития высших психических функций» содержится всего девять цитат из трудов Маркса и Энгельса», да и они «имеют скорее характер «инкрустаций» [62].

В этом смысле цитирование Выготским Маркса ровно столько же говорит о нем, как о марксисте, как цитирование Троцкого говорит о нем как о троцкисте.

А, может быть, имеется в виду, марксизм Ю. Хабермаса или Л. Альтюссера? [63]. Или марксизм А. Грамши? [64]. Или это марксизм в понимании Э.В. Ильенкова? Д. Бэкарст, лучший на Западе специалист в области советской философии, в своей замечательной книге отстаивает именно эту точку зрения [65].

Вопрос еще более запутывается, если вспомнить некоторые аргументы, постоянно присутствующие в дискуссиях на эту тему. Так, по мнению А. Н. Леонтьева, Выготский приобщился к марксизму еще в дореволюционные, студенческие годы, через чтение нелегальной литературы [66]. Таким образом, утверждал Леонтьев, в психологию он пришел уже сложившимся марксистом. Может быть, это так и было, но ни в одной из работ Выготского, относящихся к тому времени, никакого влияния марксизма не прослеживается.

По воспоминаниям ближайших соратников, в 1931 году, обвиненный коллегами в идеализме, он настолько сильно переживал, что метался по комнате и говорил: «Я не хочу жить, они не считают меня марксистом!» [67]. Факт этот, безусловно, впечатляет, но мало что проясняет: известно что Выготский весьма скептически относился к попыткам непосредственно «приспособить» к нуждам психологии общие философские принципы марксизма. Он иронизировал над попытками написать учебник психологии «с позиций диалектического материализма», которые предпринимались в 20 - 30-е гг. Что же касается обвинений Выготского в антимарксизме, то в этом больше всего отличились именно его ближайшие соратники, прямо упрекавшие Выготского в идеализме. П. И. Зинченко, например, прямо писал, что основная ошибка учения Выготского состояла в том, что «марксистское понимание исторической, социальной обусловленности развития человеческой психики было извращено и понято идеалистически» [68]. Главный упрек Выготскому состоял в том, что он «приходит к признанию общения как источника и движущего фактора развития сознания ребенка, общения, понимаемого идеалистически, в смысле «духовных» сношений, в смысле речевого общения, а не в смысле взаимоотношения людей друг с другом, включающем в себя и их материальные сношения (Маркс)» [69].

И, если соотнести одно с другим, то получается, что Выготский, который к 1924 году был «уже сложившимся марксистом», к концу жизни превратился в махрового идеалиста. Если следовать такой логике, то концы с концами явно не сходятся. Похоже, что мы опять оказываемся в ситуации, *когда противоречия в нашем понимании* пытаемся объяснить противоречиями, якобы существовавшими во взглядах самого Выготского.

Здесь специалисты меня, конечно, поправят, в том смысле, что, несмотря на различия в подходах, есть два аспекта, которые представляются абсолютно бесспорными. Во-первых, фундаментальная идея Выготского о социальной сущности психики находится в прямом соответствии с марксистским подходом, выраженном в известном шестом тезисе о Фейербахе [70]. Об этом Выготский, кстати сказать, говорил прямо, фактически ссылаясь на Маркса:

"Изменяя известное положение Маркса, - писал он, - мы могли бы сказать, что психологическая природа человека представляет совокупность общественных отношений, перенесенных внутрь и ставших функциями личности и формами ее структуры... Мы не хотим сказать, что именно таково значение положения Маркса, но мы видим в этом положении наиболее полное выражение всего того, к чему приводит нас история культурного развития" [71].

И, во-вторых, идея Маркса об орудиях труда как средствах изменения людьми внешнего мира нашла свое выражение в фундаментальной для теории Выготского идее о знаках, как психологических орудиях, посредством которых природные психические функции преобразуются в культурные.

Но если мы будем следовать этой логике, то тогда в марксисты придется записать и Питирима Сорокина, и Г. Г. Шпета, да и Ч. Пирса с Э. Кассирером, не говоря уже об Э. Фромме и К. Поппере. Ведь, как мы уже говорили, идеи о социальной детерминированности сознания и о знаковом опосредовании не являются исключительно марксистскими. Кроме того, хорошо известна принципиальная позиция Выготского о недопустимости переноса в психологию вообще каких бы ты ни было философских формул.

Опять мы натываемся на противоречие: с одной стороны, Выготский был категорически против прямого заимствования из философии марксизма любых готовых формул, а с другой стороны, он взял из философии марксизма по крайней мере две фундаментальные идеи. Но это противоречие не есть противоречие Выготского, а скорее, противоречие, вытекающее из нашего ограниченного понимания.

Я хочу попробовать рассмотреть эту тему с той позиции, которую я обозначил в самом начале этой статьи, и которой сам стараюсь в этой статье следовать. Иначе говоря, для меня проблема «Выготский и марксизм» есть проблема того, как Выготский – человек, выросший в культуре Серебряного века, имеющий основательное философское образование и очень хорошо знающий проблемы современной ему психологии, относился к марксизму. Что привлекало его в философии марксизма? Для меня важно

выяснить, как, каким образом, *сам Выготский* понимал задачу построения марксистской психологии, и что именно он понимал под этим термином – марксистская психология? Можно ли в текстах Выготского найти некую формулу, выражающую саму суть его отношения и к марксизму и к задаче создания марксистской психологии?

Если смотреть с этой точки зрения, то становится ясно, что отношение Выготского к философии марксизма не было каким-то особенным. Скорее наоборот, оно было вполне типичным для интеллектуалов его круга и его времени. Хорошо известно, что далеко не все представители российской интеллектуальной элиты относились к марксизму враждебно. Собственно говоря, в этом нет ничего странного, ведь марксизм был одним из этапов в развитии немецкой классической философии, органически связанным не только с философской системой Гегеля и материализмом Фейербаха, но и с более ранними философскими системами И. Канта, Р. Декарта, Б. Спинозы. Другое дело, что совсем немногие воспринимали марксизм как кульминацию мировой философской мысли. Я не думаю, что Выготский, если вспомнить его блестящее знание философии, был в числе этих немногих. Он, конечно, знал марксизм, и знал его очень хорошо. Потому и относился к марксизму не как к набору идеологических заклинаний, готовых формул и рецептов, годящихся на все случаи жизни (коим он тогда уже становился в словах и делах тех, кто «диалектику учили не по Гегелю»), а как к методологии, которая может быть весьма продуктивной для научной психологии.

И это свое отношение он совершенно ясно выразил еще в 1927 году, когда писал, что

То, как сейчас определяют, словно в пробирной палате, согласуется ли данное учение с марксизмом, сводится к методу «логического наложения», т. е. совпадения форм, логических признаков... Надо знать, чего можно и должно искать в марксизме. Не человек для субботы, а суббота для человека; надо найти теорию, которая помогла бы познать психику, но отнюдь не решения вопроса психики, не формулы, заключающей и суммирующей итог научной истины. Этого в цитатах Плеханова нельзя найти по одному тому, что ее там нет. Такой истиной не обладали ни Маркс, ни Энгельс, ни Плеханов. Такая формула вообще не может быть дана наперед, до научного изучения психики, а явится в результате научной вековой работы. Предварительно можно искать у учителей марксизма не решение вопроса, даже не рабочую гипотезу (потому что они создаются на почве данной науки), а метод ее построения. Я не хочу узнать на даровщинку, скроив пару цитат, что такое психика, я хочу научиться на всем методе Маркса, как строят науку, как подойти к исследованию психики. Поэтому марксизм не только применяют не там, где надо,... но и берут из него не то, что надо: не случайные высказывания нужны, а метод. [72]

Уточняя свое понимание того, что есть «марксистская психология», Выготский писал:

...наша наука в такой мере будет становиться марксистской, в какой мере она будет становиться истинной, научной; и именно над превращением ее в истинную, а не над согласованием ее с теорией Маркса мы будем работать. Марксистская психология есть не школа среди школ, а единственная истинная психология как наука; другой психологии, кроме этой, не может быть. И обратно: все, что было и есть в психологии истинно научного, входит в марксистскую психологию: это понятие шире, чем понятие школы или даже направления. Оно совпадает с понятием научной психологии вообще, где бы и кем бы она ни разрабатывалась. [73].

Для Выготского, «марксистская психология» есть «научная психология»: задача построения марксистской психологии не в том, чтобы «согласовать» психологию с марксизмом, не в том, чтобы «перелицевать» ее под марксистские формулы, а в том, чтобы развивать саму психологию, как объективную научную дисциплину.

А что такое научная психология в понимании Выготского? Научная психология есть психология, имеющая, во-первых, свой предмет (для теории Выготского этим предметом было развитие высших психических функций, сознания человека), во-вторых, использующая объективный научный метод изучения этого предмета (в теории Выготского это экспериментально-генетический метод), и, наконец, в-третьих, основной закон, в соответствии с которым происходит развитие психических функций и строится их экспериментальное изучение.

И этим своим отношением он сразу же противопоставил себя всем тем, кто в трудах классиков марксизма искал именно готовые формулы, или просто случайные высказывания, которые можно адаптировать к психологии. И этим он поставил себя под удар...Формула Выготского, в которой выражено его отношение к марксизму - «научная психология *И* есть марксистская психология», оказалась непонятой и не принятой ни его критиками, ни его последователями. С начала 1930х годов в общественном сознании, да и в научной среде, возобладала другая формула – «только марксистская психология и есть подлинно научная психология», со всеми вытекающими трагическими последствиями. На долгие годы в психологии воцарились те «марксисты», кто ловко умел приспособить психологию к господствующей *идеологии*. Между прочим, в такой ситуации, вполне понятными становятся слова Выготского: «я не хочу жить, они не считают меня марксистом». Это была действительно трагедия, трагедия русского интеллигента, оказавшегося в окружении маргиналов и приспособленцев. Личная драма Выготского была отражением драмы той части российской интеллигенции, кто воспринимал марксизм как науку, как философское течение, а не как набор идеологических штампов, то есть позволял себе именно научное, а не религиозно-догматическое к нему отношение. Российский интеллигент Выготский, воспитанный в традициях высокой культуры, оказался среди тех, кто искренне принял революцию, и стал ее жертвой. Ранняя смерть от туберкулеза в 1934 году спасла его от ареста.

О том, в какой степени Выготскому удалось выполнить задачу построения марксистской психологии – разговор особый, выходящий за рамки данной статьи. Моя цель была иной и вполне определенной: я просто попытался понять, как эту задачу видел сам Выготский – автор культурно-исторической теории развития высших психических функций, какова была его позиция по отношению к марксизму. Мне кажется, что без этого, дальнейший анализ проблемы «Выготский и марксизм» останется неполным.

Завершая наш разговор, хочу подчеркнуть, что все, представленное здесь, есть не более чем мой собственный, личный опыт прочтения текстов Выготского. Опыт понимания действительно очень труден, особенно в тех случаях, когда за классическими текстами тянется многолетний шлейф уже устоявшихся трактовок и интерпретаций. Собственно говоря, мысль моя состоит в том, чтобы показать, что трудная работа понимания текстов Выготского не завершена, а напротив, она по-настоящему лишь только начинается. И это общая работа, общее дело тех, кто считает себя продолжателями дела Выготского, его последователями. Это общее дело тех, кому не безразлична судьба научной школы Выготского в наступившем веке. Когда-то язвительный Гай Клакстон сказал мне после одного из моих выступлений, что история науки – не лавка древностей, а мы – не музейные работники. Я ответил ему, что история открытия нами настоящего Выготского, не просто психолога, но философа, мыслителя и человека высокой культуры, лишь только начинается. Время покажет, кто из нас прав...

1. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: Когито-Центр. 1977

2. Эльконин, Д. Б. (1989). Избранные психологические труды. М, Педагогика., 1989, С. 476.

3. Статью Р. Фрумкиной я цитирую по рукописи, любезно предоставленной мне редакцией «Нового литературного обозрения»

4. Ни один из его номинальных и даже реальных учеников (что не всегда совпадает) никогда не понимал того, что делал и писал Выготский, как некую целостность и в лучшем случае мог воспользоваться какой-то частью в меру своей испорченности. (Щедровицкий П.Г. Лекция об индивидуальной истории <http://two.cityline.ru/~idcriast/may98/7may.htm>)

5. ISCAR – Международное общество культурно-деятельностных исследований, идентифицирующее себя с культурно-исторической психологией и психологической теорией деятельности.

6. Наиболее интересной, с этой точки зрения, представляется книга Г. Л. Выгодской и Т.М. Лифановой «Лев Семенович Выготский: жизнь, творчество, штрихи к портрету». Москва, Смысл, 1996.

7. Подробнее об этом см. *Cole, M., Wertsch, J. Beyond the Individual-Social Antimony in Discussions of Piaget and Vygotsky, 1996 // <http://www.massey.ac.nz/~ALock/virtual/colavyg.htm>*

8. Сорокин, П. А. Система социологии. т.1. Пг., 1920, С. 184

9. Шпет, Г. Сочинения. М., 1989, С.514
10. Флоренский П. А. Сочинения. т. 2. М, 1990, С. 344
11. Там же, С. 280
12. Тургенев, И. С. Повести. Москва, Издательство «Правда». 1983, С. 76
13. Выготский Л.С.Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3.М.: Педагогика, 1983, С. 145.
14. Vygotsky, L.S. Mind in society: the development of higher psychological processes (M. Cole, V. John-Steiner, S. Scribner & E. Souberman, Eds. & Translators). Harvard University Press, 1978, p. 57
15. Выготский. Л. С. Бихевиоризм // Большая медицинская энциклопедия. Т. 3., 1928, С. 483-486
16. Valsiner, J. Culture and human development. Sage. 2000
17. Van der Veer R., & Valsiner J. Understanding Vygotsky: Quest for Synthesis. Blackwell, Cambrige, USA, 1991
18. Valsiner, P. 40
19. Выготский, Л. С. Психология развития человека. М., Эксмо, 2003. с. 352.
20. Eysenck, H. The Biological Basis of Personality. Spriengfield, 1967.
21. Выготский, Л. С. Проблема развития ребенка в исследованиях Арнольда Гезелла // Гезелл А. Педология раннего возраста. Москва-Ленинград, УЧГИЗ, 1932. с. 5
22. Выготский Л.С. Лекции по педологии. Ижевск: Издательский дом "Удмурдский университет", 2001
23. Выготский Л.С.Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3.М.: Педагогика, 1983, С. 145.
24. Там же, стр. 146
25. А. Стругацкий. Б. Стругацкий. Понедельник начинается в субботу. Сказка о тройке: фантастические повести. М, 1993. С. 248
26. Театральный словарь. М. 1922, с. 37
27. Ярошевский М.Г. Переживание и драма развития личности (последнее слово Выготского) // Вопросы философии. 1993. № 3. С.37.

28. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. М., 1983. С. 383.
29. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. С. 145.
30. *Выготский, Л. С.* Психология искусства, 1987, С. 238.
31. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983, С. 24
32. За сознанием открывается человеческая жизнь – любил повторять Выготский.
33. Напомню, Р. Фрумкина пишет: “Я же стремлюсь получить пусть предельно схематичный, но, тем не менее, рационально обоснованный ответ, наподобие следующего: «до работ Выготского мы не отдавали себе отчета в том, что ...; Выготский способствовал тому, что мы поняли...».
34. В новейшем издании Большого психологического словаря под редакцией В. П. Зинченко и Б. Г. Мещерякова читаем: “знаковое опосредствование – ключевое понятие культурно – исторической теории (Л. С. Выготский), рассматривающей психическое развитие как изменение природы и структуры психического процесса через знак (Большой Психологический Словарь, М, 2003, 175-176).
35. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983, С. 68.
36. Там же, С.89-90
37. Там же
38. *Выготский Л. С.* Проблема культурного развития ребенка (1928) // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. 1991. N 4. С. 5-18.
39. Там же.
40. *Орлов А. Б.* А.Н. Леонтьев — Л.С. Выготский : очерк развития схизиса // Вопросы психологии, 2003, № 2, С. 70-86
41. *Леонтьев, А. А, Леонтьев, Д. А.* Миф о разрыве: А.Н.Леонтьев и Л.С.Выготский в 1932 году. // Психологический журнал, 2003, №2,
42. Алексей Алексеевич Леонтьев (1936 – 2004) – выдающийся российский психолог и лингвист, сын Алексея Николаевича Леонтьева.
43. *Ярошевский М.Г.* Без истории пуста методология // Вопросы психологии. 1995. № 4. С. 141-146.
44. *Зинченко В.П.* Культурно-историческая психология и психологическая теория деятельности: живые противоречия и точки роста // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1987. N 1.

45. *Давыдов, В. В.* Понятие деятельности как основание исследований научной школы Л. С. Выготского // Вопросы психологии, 1996, № 5, С. 20-29
46. Там же, С.24
47. *Давыдов В. В.* Да, нам необходима монистическая теория человеческого бытия. // Деятельность: теории, методология, проблемы. М. 1990, С. 289.
48. *Брушлинский, А. В.* Ответ на возражения и недоразумения. // Деятельность: теории, методология, проблемы. М. 1990, С. 303.
49. *Зинченко, В. П.* Кризис или катастрофа. Материалы круглого стола.// Вопросы философии, 1993, №5, С. 3 – 43.
50. *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М – Л, ГИЗ 1930
51. *Леонтьев, А. Н.* Развитие памяти. Москва. Учпедгиз, 1931
52. *Леонтьев, А. Н.* Избранные психологические произведения. Том 1, Москва, 1983. С. 31-64.
53. А. Н. Леонтьев и современная психология. М., 1983, С. 12
54. *Леонтьев, А. Н.* Психологическое исследование речи. Избранные психологические произведения. М. Педагогика, 1983, том. 1, С. 65-75.
55. Там же, С. 73
56. Там же, С. 74
57. *Леонтьев А.Н.* Учение о среде в педологических работах Л.С.Выготского (критическое исследование) // Вопр. Психол. 1998. №1. С.108-127.
58. Там же, С. 123
59. Там же, С. 124
60. *Зинченко В. П.* Культурно-историческая психология и психологическая теория деятельности: живые противоречия и точки роста // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1993. № 2. С. 41 – 50.
61. *Грэхэм Л.Р.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. Пер. с англ., М.: Издательство политической литературы, 1991.

62. Психология и марксизм (“круглый стол”) // Психологический журнал. 1993. Т.14. №1. С.7.
63. В частности, Дж. Брунер, прямо говорил, что марксизм Выготского был ближе к Альтюссеру, Хабермасу и франкфуртской школе, чем к официальному советскому марксизму того времени» *Bruner, J. Prologue to the English Edition. // R. Rieber & A. Carton (Eds.). The collected works of L. S. Vygotsky. Volume 1. Problems of general psychology. London, Plenum, 1987, p. 2).* Это утверждение выглядит довольно странным, если иметь в виду, что философские позиции Альтюссера и Хабермаса являются прямо противоположными, если не взаимоисключающими.
64. Как ни странно, на близость марксизма Выготского и А. Грамши, указывал все тот же Дж. Брунер (*Брунер, Дж. Торжество разнообразия // Вопросы психологии 2001, № 4, с. 3-14.* Невольно создается впечатление, что Выготского просто пытаются привязать хоть к какому-то марксизму...
65. *Bakhurst, D. Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy: From the Bolsheviks to Evald Ilyenkov. Modern European Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.*
66. *Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982, С. 14.*
67. См.: *Ярошевский М.Г. В школе Курта Левина. // Вопросы психологии. 1988. №3, С. 172–179.*
68. Я цитирую статью П. И. Зинченко «Проблема произвольного запоминания» от 1939 года (*Зинченко П. И. Проблема произвольного запоминания // Научные записки Харьковского государственного педагогического института иностранных языков. 1939. Т. 1. стр. 153*), которая, как ни странно, никогда не переиздавалась.
69. Там же, стр. 160
70. Напомню этот знаменитый тезис Маркса: «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений»
71. *Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983, С.146.*
72. *Выготский Л.С. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 421.*
73. Там же, С. 434